

Научная статья

УДК 167.7

DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-44-54

Эпистемическая рациональность в политической теории

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

Представлен краткий анализ процедурного подхода к созданию либеральных политических концепций справедливости и демократии. На примере эволюции взглядов Дж. Ролза показаны негативные следствия отказа от внешних содержательных критериев для оценки теорий, в частности таких как эффективность, обоснованность, истинность. Охарактеризована необходимость и эвристичность «эпистемического поворота» в современной политической теории. Возвращение классического эпистемического инструментария позволяет усилить обоснование и легитимацию ряда философско-политических концепций справедливости и демократии за счет преодоления ограничений процедурного подхода.

Ключевые слова

эпистемология, знание, обоснование, истина, процедурный подход, эпистемический поворот, справедливость, Дж. Ролз

Для цитирования

Шевченко А. А. Эпистемическая рациональность в политической теории // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 3. С. 44–54. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-44-54

© Шевченко А. А., 2021

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19, № 3. С. 44–54
Siberian Journal of Philosophy, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 44–54

Epistemic Rationality in Political Theory

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Abstract

The paper presents a brief analysis of the procedural approach towards constructing liberal political conceptions of justice and democracy. Treatment of J. Rawls's evolution shows the negative consequences of abandoning external substantive criteria for theory evaluation, including efficiency, justification, truth. It also offers justification for the "epistemic turn" in contemporary political theory. The return of classical epistemological set of tools will help to strengthen the justification and legitimation of philosophical and political conceptions of justice and democracy by overcoming the key limitations of the procedural approach.

Keywords

epistemology, knowledge, justification, truth, procedural approach, epistemic turn, justice, J. Rawls

For citation

Shevchenko A. A. Epistemic Rationality in Political Theory. *Siberian Journal of Philosophy*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 44–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-44-54

Эпистемическая рациональность здесь понимается как методологический императив, регулирующий методы и процедуры получения и обоснования знаний. При этом предполагается, что принимаемые нами постулаты рациональности в принципе позволяют формулировать истинные утверждения о мире. В проблематике эпистемической рациональности можно выделить два аспекта: 1) ориентацию на *процесс* получения и обоснования знания; 2) ориентацию на *субъекта* познания, требования, предъявляемые к такому субъекту, имеющиеся у него когнитивные возможности и ограничения.

При обсуждении процессов в качестве образца обычно используется процесс получения научного знания, который характеризуется достаточно строгими требованиями к объективности полученного результата, его воспроизводимости и т. д. Поскольку в данной статье речь идет о политических теориях, то для нас таким процессом будет служить процесс конструирования политической теории, а в предельном, философском плане, процесс заключения гипотетического общественного договора. В случае же с субъектом познания нужно всегда ясно понимать, имеем ли мы в виду реального политического субъекта со всеми его когнитивными ограничениями или же субъекта идеализированного, философского, требуя от него выполнения всех нормативных требований в некоторой идеаль-

ной ситуации, в которой этому субъекту открыто «действительное положение вещей» в мире.

Кроме того, любая познавательная деятельность всегда ограничена предметом и контекстом исследования. В данной статье мы рассмотрим сферу политического действия и политического участия. Она имеет свою специфику, которая предполагает возможное расхождение целевых и ценностных установок участников коммуникации, вплоть до прямых конфликтов. При этом не столь важно, имеем ли мы дело с реальным политическим субъектом или философской абстракцией. И в том, и в другом случае нам нужно продумывать возможные сценарии взаимодействия, способы нахождения согласия и предотвращения конфликтов.

Обращает на себя внимание, что в последнее время в либеральной политической теории происходит своего рода «эпистемический поворот» [Räber, 2020, § 2.1, Landemore, 2017], суть которого в постепенном понимании ограниченности процедурных подходов к анализу и конструированию социальных порядков и переходе к содержательным аспектам в анализе политического участия и процессов принятия решений. Эпистемическим его называют потому, что в философский анализ политического вновь возвращаются такие центральные эпистемические категории, как знание, обоснование, истина.

В последние десятилетия наиболее популярными в либеральной политической философии стали т.н. «делиберативные» подходы, в частности делиберативные теории демократии [Schwartzberg, 2015]. Такие подходы по сути являются процедурными, так как приоритетное место в них уделяется соблюдению внутренних правил и конвенций политического дискурса, основанного на принципах равенства, открытости, взаимного уважения. При этом в жертву часто приносятся «внешние» содержательные соображения – такие как эффективность принимаемых решений, их эвристический потенциал, обоснованность и истинность. Процедурные подходы обязаны своей популярностью прежде всего «Теории справедливости» Дж. Ролза [Ролз, 1995], которая положила начало новому этапу развития политической философии, этической теории, философии права. В работе была предложена фундаментальная концепция справедливого общества, но огромная популярность книги во многом была вызвана новаторской методологией исследования. Автор предложил сложную поэтапную процедуру, в ходе выполнения которой при минимальном количестве содержательных допущений происходит конструирование масштабной концепции справедливости.

Перенос акцента с содержания на процедуру можно объяснить тем, что в современной либеральной политической философии одним из центральных по-

столатов является признание неизбежности и неустранимости плюрализма, причем даже не столько его ценности, сколько самого факта. Формулируется это по-разному – «факт плюрализма», факт «разумного плюрализма», «факт несогласия» и др. Важной особенностью политического плюрализма является то, что члены такого демократического и либерального общества разрешают свои конфликты и противоречия, не апеллируя к понятию «истина», признавая как трудности ее достижения, так и то, что у каждого сообщества могут быть собственные представления об истине. Соответственно, и роль других эпистемических регулятивов фактически постепенно сводится к нулю. Хотя процесс ослабления эпистемической рациональности начался уже в «Теории справедливости», где Дж. Ролз перенес акцент с понятия «рациональность» на «разумность» (the reasonable), не предполагающей обязательную ориентацию на истину, особенно заметно это в последующих текстах и, прежде всего, в «Политическом либерализме» [Rawls, 1996]. Вместо прямого определения разумности автор указывает на два ее аспекта, точнее, на две добродетели, которыми должны обладать «разумные» индивиды. Первая – готовность предложить принципы и стандарты честной кооперации, а вторая добродетель – готовность по своей воле придерживаться этих принципов при наличии заверений, что и другие будут поступать таким же образом [Rawls, 1996, p. 48]. Таким образом, разумность – это intersубъективное понятие, которое включает взаимность и готовность обосновывать свою позицию другим людям.

Поскольку еще раньше было явно сказано, что данная концепция справедливости является уже не метафизической, а политической [Rawls, 1985], то главной целью стало достижение консенсуса между членами общества, придерживающимися разных политических, религиозных и метафизических концепций. Так как содержательный консенсус на основе истины в таких условиях невозможен, появляется идея «перекрещивающегося», т. е. частично совпадающего консенсуса, который может быть достигнут в отношении самых базовых политических принципов, разделяемых всеми членами общества [Rawls, 1996, pp. 15, 44, 65]. Главной становится проблема обеспечения стабильности справедливого общества. При этом Дж. Ролз не отрицает наличия разного рода истин, но и не нуждается в них для достижения социального согласия. Такую позицию можно назвать сознательным агностицизмом. Серьезная проблема заключается здесь в том, каким образом при принятии разумного плюрализма и плюралистической картины мира возможна хоть какая-то содержательная концепция справедливости, демократии, да и политического в целом. В любом современном демократическом обществе контекст принципиально и неустранимо плюралистичен – всегда имеет место конкуренция нормативных моделей, общекультурных и индивиду-

альных ценностей, люди придерживаются самых разных философских, религиозных или политических взглядов. И в отсутствие единой концепции блага нет оснований ожидать, что люди достигнут согласия в отношении какой-либо содержательной концепции справедливости. Именно поэтому в политической концепции позднего Дж. Ролза справедливость основывается не на какой-то одной, общей для всех картине мира, а на «перекрещивающемся консенсусе» разумных (т. е. разумно обоснованных) основополагающих доктрин и принципов. При этом основанием для консенсуса в отношении принципов справедливости может быть только такая схема отношений, в которой люди, разделяющие самые разные взгляды, могли бы рассчитывать на равно уважительное и беспристрастное отношение друг к другу. Понятно, что такой консенсус в содержательном отношении получился весьма бедным и не слишком интересным с точки зрения политической теории.

Нужно сказать, что столь серьезное ослабление нормативных требований вызвало большое количество резко критических отзывов и обвинений Дж. Ролза чуть ли не в предательстве идеалов «подлинной справедливости». После многих лет коммунитаристской критики Дж. Ролз признает, что цели политической философии определяются потребностями и целями того общества, которое она изучает. В современном демократическом обществе цель политической философии заключается в том, чтобы определить, «...каким образом возможно долговременное существование справедливого и стабильного общества, состоящего из свободных и равных граждан, которые разделены обоснованными религиозными, философскими и моральными доктринами» [Rawls, 1996, p. 4].

Проблем здесь несколько. Первая состоит в том, что в таких теоретических рассуждениях мы как раз имеем дело с тем самым идеализированным индивиду, лишенным какой-либо привязки к реальной политической ситуации, да и к социуму в целом. В качестве эпистемического субъекта такой индивид также неинтересен. Стирание всех существенных различий между гипотетическими участниками общественного договора делает процедуру торга или договора между ними невозможной, так как отсутствует необходимое условие – различие позиций или интересов. Лишенные существенной информации о своем положении в будущем обществе и содержательной концепции блага, индивиды фактически находятся в одинаковом положении, в котором отсутствует почва для разногласий и, следовательно, для процедуры их разрешения. Уже в «Теории справедливости» речь фактически идет не о процедуре убеждения других, не о достижении компромисса или консенсуса, а о выведении единственно возможных следствий из жестко сформулированных посылок «исходного состояния». Причем для такого выведения в принципе достаточно одного рациональ-

ного индивида. С. Бенхабиб, имея в виду в том числе и концепцию Ролза, замечает: «В кантианской теории морали моральные агенты подобны геометрам, находящимся в разных комнатах, которые, рассуждая независимо друг от друга, приходят к одному и тому же решению проблемы» [Benhabib, 1992, p. 163]. Таким образом, исчезает даже иллюзия заключения общественного договора людей с различными жизненными интересами и позициями.

Другая проблема, связанная с чисто процедурным пониманием человеческих взаимодействий, касается особенностей логики коллективных действий. Традиционно считалось, что интересы отдельных индивидов и групп, состоящих из таких индивидов, идентичны. Однако А. Даунз и М. Олсон [Downs, 1957; Olson, 1965], опираясь на принятое в экономике понятие «личного интереса», показали неверность представления о том, что группы людей с общими интересами всегда будут стремиться к совместной реализации этих интересов. Оказывается, что, несмотря на выгоды, которые может дать стратегия сотрудничества, такая стратегия может показаться непривлекательной или даже оказаться неосуществимой.

Типовым примером поведения, нерационального в соответствии с такими постулатами, считается участие в голосовании. Оно нерационально, так как воспользоваться результатами голосования можно и не принимая в нем участия, вероятность же того, что именно твой голос окажется решающим, исключительно мала. Следовательно, даже самые малые затраты, связанные с участием в голосовании, нерациональны. Таким же нерациональным с точки зрения отдельного индивида объявляется и участие в производстве общественных благ. Проблема заключается в том, что, оставаясь в рамках только процедурного понимания человеческих взаимодействий, очень трудно объяснить фактическую готовность людей к кооперативному поведению. Многочисленные эксперименты, проводимые в рамках теоретико-игровых подходов, показали, что склонность к сотрудничеству возрастает, когда игроки чисто механически придерживаются стратегии эквивалентных ответных действий (*tit for tat*), когда на уступку другого игрока мы отвечаем ответной уступкой или же аналогичным образом наказываем его за недружественные действия. Кроме того, обнаружилось, что склонность к сотрудничеству возрастает с увеличением количества игровых раундов, что связывается с постепенным повышением доверия партнеров / соперников друг к другу. Участники таких игр (типа «дилеммы заключенного») являются одновременно и партнерами, и соперниками, так как их интересы частично совпадают, а частично расходятся. Хотя подобные ситуации и отражают то, как люди взаимодействуют в реальном обществе, что и объясняет популярность таких моделей, масштабирование оптимальных принципов кооперации на все об-

щество представляет собой огромную проблему. Рост сложности – как структуры взаимодействий, так и их количества, требуют наличия содержательных оснований для кооперации – как моральных (как минимум доверия к партнерам по «общественному договору», хотя бы и локальному), так и политических, метафизических, религиозных, т. е. тех, от которых все время и отказались сторонники процедурных подходов в политической философии. А возврат к содержательным общественным концепциям неизбежно требует и возвращения традиционного эпистемического инструментария. Вообще говоря, представляется вполне обоснованным мнение о том, что даже для Дж. Ролза, в его классической процедурной концепции, отказ от понятия «истина» по крайней мере не является обязательным [Landermore, 2017, p. 284]. Дело в том, что внимательный анализ делиберативного рассуждения, как индивидуального, так и коллективного, показывает, что в нем уже имплицитно содержатся требования объективности и возможность познания истины.

Желание найти эффективные механизмы и процедуры саморегулирования можно понять, и оно не является чем-то новым. Уже во многих классических либеральных концепциях предполагалось, что предотвратить злоупотребление частными интересами способны политические или экономические механизмы. И. Кант, например, как и многие классические либералы, полагал, что общественное устройство не может создаваться в расчете на ангелов, поэтому нужно, чтобы жизнь людей была организована таким образом, чтобы «...несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [Кант, 1996, с. 285–286]. Однако расчет на одни только институциональные (процедурные) решения часто оказывается нереалистичным.

Кроме того, возникает и проблема с легитимностью самого процесса принятия демократических решений (или, опять же, заключения некоторого общественного договора). В рамках процедурного подхода считается, что легитимность процесса принятия решения обеспечивается его «честностью», т. е. соблюдением некоторой согласованной и общепринятой процедуры. При таком подходе не учитывается то, что любое политическое устройство не самодостаточно, а выполняет еще и важные инструментальные функции. Например, государство занимается важнейшими проблемами, связанные с экономикой, экологией, производством общественных благ. Принимаемые решения в этом отношении неизбежно будут оцениваться не только с точки зрения корректного соблюдения процедуры их принятия, но и по тому, насколько они эффективны в решении соответствующих проблем.

Вспомним самую, пожалуй, популярную эпистемическую процедуру, предложенную Дж. Ролзом для конструирования оптимального общественного устройства – процедуру достижения «рефлексивного равновесия» [Ролз, 1995, с. 54–56]. По сути, это модель общетеоретического рассуждения, во многом аналогичная гипотетико-дедуктивному методу в науке. Мы начинаем с интуиций (аналог фактов в науке) по поводу того, как мы поступаем в тех или иных конкретных ситуациях. После этого мы пытаемся понять, какие принципы лучше всего могут объяснить наши интуиции (аналог теоретической гипотезы), и принимаем их в качестве моральных основоположений. Затем мысленно видоизменяем ситуацию и вновь проверяем наши интуиции по поводу поведения уже в новой ситуации на соответствии этим моральным принципам. Хотя метод и называется «рефлексивное равновесие», понятно, что полное соответствие между нашими моральными интуициями и принципами – это идеальное, желаемое, недостижимое состояние.

Этих целей нельзя достигнуть путем выстраивания только рациональных процедур, определяющих правила ведения политического дискурса и принятия решений. В экономике наиболее эффективным механизмом является рынок, но и он нуждается в дополнении и расширении, хотя бы потому, что не справляется с проблемой производства общественных благ. В политике же ситуация еще сложнее, здесь мы имеем дело с политическими субъектами самых разных уровней, которые объединить может только общий политический дискурс, который, свою очередь, нуждается в возможности различения мнения и знания, истины и лжи. Эффективность политических демократических институтов определяется тем, насколько успешно они решают стоящие перед ними проблемы. Среди таких проблем основная – как способствовать достижению общественного согласия, учитывая уже отмеченный плюрализм ценностных картин мира, какая содержательная основа даст наилучшие шансы на добровольную кооперацию в таких условиях.

Другой важный аспект политической эпистемологии – уровень не индивидуальных субъектов, а политических институтов. Здесь в первую очередь важны проблемы «эпистемической компетентности» этих политических институтов. Иногда это называют «институциональной эпистемологией» [Anderson, 2006, р. 8]. Это и вопросы о том, какого рода институты лучше всего обеспечивают «эпистемическую компетентность», а также о том, какие меры можно предпринять для повышения их эффективности. Эти проблемы особенно актуальны, когда мы имеем дело с распределенной информацией, что имеет место в демократических политических режимах. Разные политические субъекты обладают разной информацией, что, как показал Ф. А. Хайек, один из основоположников

институциональной эпистемологии, и позволяет эффективно работать «невидимой руке» рынка, а также объясняет неэффективность централизованного принятия решений. В политической сфере это дополняется необходимостью способствовать тому, чтобы множество отдельных волей при определенных обстоятельствах сливались в «общую волю».

Дополнительную трудность представляет то обстоятельство, что осознанный рациональный выбор и практическое действие всегда осуществляются в ситуации эпистемической неопределенности, в которой наше знание никогда не бывает полным или точным. Разрывы между требованиями рациональности и нормативности анализируются в ходе исследования эпистемических контекстов выбора. Полная эпистемическая рациональность требует не только когерентности оснований для действия, но и истинности представлений об источниках их нормативности, а также фактических обстоятельствах, в которых принимается решение о следовании конкретной норме. Действительно, нормативно должное поведение в той или иной ситуации, включающей, например, когнитивные ограничения субъекта, может расходиться с тем, чего требует от субъекта простая инструментальная рациональность. Подлинная обязательность включает не только наличие оснований (резоннов), но и соответствие этих оснований действительности, природе вещей.

Можно отметить несколько позитивных следствий «эпистемического поворота» для политической теории. Во-первых, «возвращение истины» позволяет явным образом сформулировать тезис о том, что любой процесс политического рассуждения и обсуждения имеет некоторую цель, достижение которой может быть проверено с помощью независимых объективных критериев, находящихся за рамками самой процедуры обсуждения. Во-вторых, это открывает новые перспективы как для политической практики, так и для теоретических исследований. Становится возможным оценивать сравнительную эффективность процессов обсуждения и других демократических процедур, изучать то, каким образом подтверждается действенность принятых мер «в реальном мире», а также (уже на метауровне) обсуждать то, как мы это узнаем и насколько достоверным является наше знание. Кроме того, развитие эпистемического дискурса дает возможность усилить и обновить политическую аргументацию, сохранив наиболее ценные идеи процедурных подходов последних десятилетий.

Список литературы

- Кант И.** К вечному миру: Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 257–309.
- Ролз Дж.** Теория справедливости. Новосибирск: НГУ, 1995.
- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, iss. 1–2, pp. 8–22.
- Benhabib S.** Situating the Self. New York, Routledge, 1992.
- Downs A.** An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.
- Landemore H.** Beyond the Fact of Disagreement? The Epistemic Turn in Deliberative Democracy. *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, iss. 3, pp. 277–295.
- Olson M.** The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965.
- Räber M.** Knowing Democracy – A Pragmatist Account of the Epistemic Dimension in Democratic Politics. Springer, 2020.
- Rawls J.** Justice as Fairness: Political not Metaphysical. *Philosophy and Public Affairs*, 1985, vol. 14, iss. 3, pp. 223–251.
- Rawls J.** Political Liberalism. New York, Columbia Uni. Press, 1996.
- Schwartzberg M.** Epistemic Democracy and Its Challenges. *The Annual Review of Political Science*, 2015, vol. 18, pp. 187–203.

References

- Anderson E.** The Epistemology of Democracy. *Episteme: A Journal of Social Epistemology*, 2006, vol. 3, iss. 1–2, pp. 8–22.
- Benhabib S.** Situating the Self. New York, Routledge, 1992.
- Downs A.** An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.
- Kant I.** К вечному миру [Perpetual peace]. Soch. v 6 t. T.6. Moscow, Mysl': 1966, pp. 257–309. (in Russ.)
- Landemore H.** Beyond the Fact of Disagreement? The Epistemic Turn in Deliberative Democracy. *Social Epistemology*, 2017, vol. 31, iss. 3, pp. 277–295.
- Olson M.** The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965.
- Räber M.** Knowing Democracy – A Pragmatist Account of the Epistemic Dimension in Democratic Politics. Springer, 2020.
- Rawls J.** Justice as Fairness: Political not Metaphysical. *Philosophy and Public Affairs*, 1985, vol. 14, iss. 3, pp. 223–251.
- Rawls J.** Political Liberalism. New York, Columbia Uni. Press, 1996.
- Rawls J.** Teoriya spravedlivosti [A Theory of Justice]. Novosibirsk State Uni. Press, 1995. (in Russ.)

Schwartzberg M. Epistemic Democracy and Its Challenges. *The Annual Review of Political Science*, 2015, vol. 18, pp. 187–203.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Шевченко

доктор философских наук

ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko

Doctor of Sciences (Philosophy)

Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редакцию 28.07.2021;
одобрена после рецензирования 26.08.2021; принята к публикации 26.08.2021
The article was submitted 28.07.2021;
approved after reviewing 26.08.2021; accepted for publication 26.08.2021*